

16+

Миров А.Я.

Два мира

Миров А.Я.

Два мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63089007

SelfPub; 2020

Аннотация

«Два мира» – это романтический детектив или детективный роман: каждый читатель сам определит для себя жанр этого произведения. Кто-то акцентирует внимание на зарождающейся истории любви. Для кого-то на передний план выйдут необъяснимые по жестокости убийства. Одним будет интересно побывать в ситуациях разной степени «девачковости» вместе с главной героиней. Другим придется по вкусу «мужские» рассуждения молодого капитана Управления, который точно знает, как сделать этот мир своим.

Содержание

Мой мир. Глава 1	4
МОЙ МИР. Глава 2	13
МОЙ МИР. Глава 3	24
ЕГО МИР. Глава 1	36
Мой мир. Глава 4	42
ЕГО МИР. Глава 2	50
МОЙ МИР. Глава 5	54
ЕГО МИР. Глава 3	64
МОЙ МИР. Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Миров А.Я.

Два мира

Мой мир. Глава 1

Капля чёрного лака наглым глянцем застыла на белом паласе. Не самая моя удачная идея красить ногти на ногах, пренебрегая какой-либо страховкой.

– Газету надо было подложить! – очень вовремя проснулся мой Внутренний Критик.

– Спасибо, мой родной, ты всегда так внимателен к моим проступкам! И что бы я без тебя делала? Ну кто, если не ты, вытащит из любой ситуации мою глупость и ткнёт меня в неё лицом?!

Мобильный продолжал бурчать эту дурацкую песню, укоряя меня в моей музыкальной неразборчивости. Как можно аккуратнее, дабы мой Критик не расщедрился на особо угнетающие комплименты, растопыренными пальцами я потянулась к бесившейся трубке. Агонизирующая вибрация относилась смартфон всё дальше и дальше от моего места действия, и я уже почти смирилась с тем, что маникюрю таки не быть. Ну или быть в форме, совершенно далёкой от моей классической, ханжеской задумки.

Слушай, вот кто бы ты ни был, я не в духе! Вот ты, кому

в 11 вечера приспичило набрать одинокой тридцатилетней женщине, знай, что день у меня прошёл в наивысшей степени отвратительности. Меня кинули сразу три моих клиентки по своим разным долбаным причинам, сведя тем самым на нет упорядоченность дня, а заодно и какую-никакую финансовую стабильность на текущую неделю.

И все, главное, радостные такие, порядочные: отзвонились, отщебетались о своих сладких мальчиках-мужчинах, решивших отпраздновать по-особенному этот чуждый любой дрожащей от своего одиночества женщине 14 февраля. А по-особенному у этих влюблённо-счастливых – это, оказывается, дома. Всё-таки представления сильного пола о празднике предпочитают идти в до боли тесной для ищущей приключений женской души связке с комфортом. А наивысшую степень удобства и удобности для подросших мальчиков продолжает составлять околоюбочное пространство. Жалко, конечно, что не мамино, ну да Бог с ним, телевизор и холодильник в шаговой доступности – прекрасная замена как источнику рождения, так и самой жизни.

В честь инородного праздника гладковыбритые «Валентины», не сговариваясь, что понятно, устроили своим «Валентинкам» сугубо внутриквартирные посиделки. Разумеется, со свечами, духами и прочими запахами. А коли торжество разворачивается вне чужих, генерирующих осуждение глаз, так и не нуждается ни одна из моих дорогих клиенток в моих не дорогих по московским меркам услугах. Потому что:

– Мась, ну зачем мне причёска? Мы же с любимкой дома останемся. Он и продукты все сам купит, представляешь?! Такой зайчик! Поэтому я косичку сама себе заплету. Не такую, конечно, как ты бы мне сделала, обычную. Но мы и никуда не пойдём, киношку смотреть будем. Моему солнышку не принципиально, что у меня будет на голове, и Лео ДиКаприо, я уверена, тоже....

Юмористическое завершение разговора, очевидно, призывало смягчить меня и тяжесть моего положения. Но с поставленной задачей оно не справилось: из-за этих удивительно созвучных, хоть и не знакомых между собой девушек, я проводила этот день всех влюблённых в компании себя и своего Внутреннего Критика. Вот кто исправно скрашивает одиночество своими уместными замечками о моей личной жизни, которой нет.

Удивительно, конечно, я как личность есть, моя жизнь тоже, а личной жизни у меня нет. Ни личной жизни, ни маникюра – ноготь-то уже я смазала, пытаюсь поймать танцующий мобильный.

– Да алло! – сама не ожидала от себя такой дерзости.

– Мась, это ты?

– Свет, ну а ты кому звонишь?

– Мась....

Гнев начал сдавать уверенные позиции перед медленным, но верным пониманием происходящего: практически полночь, почему-то не определившийся номер Светки.... Это же

Светка?!

– Свет, у тебя всё нормально?

– Нет, – вздохнула так, как может вздохнуть только она.

Сомнений в том, что это моя подруга, уже не осталось. Теперь нужно всего ничего: понять, какого хрена вообще происходит?!

– Свет, не молчи. Пожалуйста, скажи, что случилось! – я вжимала телефон как можно глубже в ухо в прошлом ровно покрашенными ногтями.

До тошноты страшно, ведь я могу не услышать чего-то важного. А, зная Светку уже 25 лет, я понимала, что в её позднем звонке важного как комплексов у подростка. Много, блин, очень много.

Светка опять вдохнула. Хорошо, конечно, что она дышит, но мне тем не менее почему-то хотелось удавиться от тягучести происходящего:

– Свееееет, Свееееетааааа!

– Мась, – ей нелегко давалась каждая буква, опять этот вздох, – Мась, ты помнишь, где наше отделение милиции?

– Полиции, – машинально исправила я, догадываясь, что вряд ли это вопрос из кроссворда. – Да, отлично помню.

– Мась, мне неудобно, ты прости, – подруга потеряла и без того хилый запал и направилась в обратную сторону от замаячившей впереди истины.

– Мне удобно, говори!

Я почти смирилась с тем, что ничего хорошего не услышу.

Едва ли Светка оказалась в полиции по какому-то праздному поводу. Ну, например, за несанкционированную красоту или угрожающее окружающим обаяние. А, может, ей вручают грамоту за то, что она тысячный либо миллионный нарушитель.... Какие нынче менты предпочитают нолики? Тройные или.... Стоп! Нарушитель?! Она что-то натворила, а теперь морозится!

– Света, говори быстро!

– Мась, приезжай. Мне очень надо, чтобы ты приехала!

– Деньги? – я неожиданно выкрикнула сомнительную ассоциацию с полицией, но это правда первое, что пришло мне в голову. Думаю, и не только мне. – Что мне с собой брать?

– Ничего, – подруга окончательно сникла.

Она и звонила не сказать, что бы бодрая, но это прям какая-то высшая степень её «сникнутости».

– Просто приходи. Ты придёшь?

Я было открыла рот во имя ответа. Тут ведь ситуация такая: надо что-то говорить.

– Мар-се-ли-на Андреевна, – мужской голос старательно отчеканил моё имя.

Полагаю, так старательно, чтобы не заржать.

Ну да, такое вот у меня имя – Марселина! И вот такая вот у меня затейница мама: всю жизнь увлекалась астрологией, поэтому к наречению своей единственной дочери подошла с полной ответственностью. Теперь вот так вот я и страдаю от этой родительской сознательности, воплотившейся в этой

дурацкой «Марселине», что, по расчётам маминых знаковых-астрологов, призвана оберегать от всего плохого и приносить мне всё только хорошее.

Сейчас мама, переквалифицировавшись из благородной профессии врача в новомодную специальность астрологиня, на мои разумные претензии к имени, которое совершенно не выполняет возложенную на него миссию, уверенно парирует:

– Твоя натальная карта показывает: все самые интересные события произойдут с тобой во второй половине жизни. Так что нечего на имя пенять, коли звезды так рассыпались.

Отчего я должна верить позе, в которую встали планеты в момент появления на свет меня, не уточнялось. Но этот скрин с космического видео почему-то взял на себя смелость распоряжаться моей судьбой.

– Марселина Андреевна? – мужской голос явно нервировало отсутствие реакции.

– Да, я слушаю, – не знаю, почему я добавила это «я слушаю». Я, надо признать, когда нервничаю, не только не слушаю, я ещё и не соображаю.

– Говорит капитан Бунин. Если вам всё понятно, мы с Котовой Светланой Владимировной ждём вас в отделе.

– Я....

Отключился. Блин, Бунин, подданный ты его Величества королевы английской: ни здравствуйте, ни до свидания.

Сумбурные сборы перемежали не менее разбросанные мысли. Натягивая первые попавшиеся джинсы под круго-

ворот «что здесь, чёрт возьми, происходит?», я попыталась привести ситуацию в более менее приемлемый для осмысления вид.

Моя подруга, неисправимый интроверт, звонит мне поздно вечером из отделения полиции и, постоянно вздыхая, приглашает составить ей компанию. Потом трубку берёт какой-то мужик, надеюсь, что правда полицейский, а то мало ли это у заключённых там какая акция: приведи друга, и тебе скостят срок.... Срок?! Светка, она же Котова Светлана Владимировна, изволила начудить, и теперь ей грозит срок?!

Сжатые в нервном припадке пальцы никак не хотели разжиматься – такое впечатление, что на ногти некогда беспечным вечером я старательно наносила клей. Слой за слоем. Глянцевый такой чёрный клей.

Так, руки уже не спасти! Но что делать с ногами? Босоножки?! В феврале? В классическом таком московском феврале – симбиозе всевозможных климатических осадков и матерных ругательств поскользывающихся на замёрзших лужах прохожих.

Ладно, чёрт с ними со всеми – с ногтями и с Буниным! Зажмурившись, чтобы не видеть насильственную гибель своего педикюра, я резким движением натянула носок. Не снижая скорости, проделала аналогичные манипуляции со второй ногой. Белый хлопок мягко покрыл чёрный лак – так аккуратно прилепить один элемент к другому мне ещё ни разу не удалось за всю свою жизнь. Да уж, на уроке ИЗО мной

были бы довольны.

Так, что дальше?

Куртка.

Ключи.

Телефон. А где телефон?

– Там, где ты его и оставила, – подсказал Внутренний Критик.

– Спасибо тебе, дорогой, это очень важная информация.

И где я его собственно оставила? Вкус чего-то неприятно химического во рту помог мне вынырнуть из трясины раздумий. Эх, говорила мне бабушка:

– Ну-ка не грызи ногти! А то зубья почернеют!

Как в воду глядела. Вообще кто-нибудь знает, почему умные люди так часто пялятся на H₂O?! Чего им там Нептун шепчет?

Телефон беспечно валялся около этого дурацкого пятна, что посмело украсить мамин любимый палас. Такой любимый, что отдали его почему-то мне. Я схватила проводник из полицейского участка в мою квартиру и бездумно уставилась в зеркало. К сожалению, услышать то, что я на свете всех милее, а тем более румянее, сегодня мне было не суждено. Да и не только сегодня, если не кривить душой. Хотя как можно кривить тем, что засело у тебя в пятках? Это ж, получается, кривить пятками?

– Паспорт! – бесцеремонно выдернул меня из печального забвения Критик.

– Точно – паспорт!

А вот надо ли его сейчас искать? Но Бунин же не знает меня в лицо! Хватит с него того, что мою особу опознает Светка? И не всё ли равно этому капитану, с кого деньги брать? Деньги! Блин... Те мифические, что я сегодня не получила? Или те гипотетические, что я могу заработать в принципе? Капитан Бунин, вам какие?

Жутко захотелось плакать. Сесть около этого чёртового чёрного пятна на белом паласе в этих чёртовых белых носках, надетых поверх чёртового чёрного лака, и плакать горькими и такими же чёрными как чёртов лак слезами. Лак! А где жидкость для его снятия?

Ладно, порыдать я ещё успею, желательнее со Светкой и без Бунина. Так, сумка: кошелёк тут, в кошельке – дай Бог доехать до отдела, паспорт тоже тут. Да и где ещё быть этому допуску к табачной промышленности? Только рядом с её постоянным спонсором – кошельком! Вот вам в компанию «ацетон без ацетона» и ватные диски.

Кроссовки.

Справившись с как никогда распоясавшимися шнурками, я в который раз опечалилась видом ногтевых пластин.

– Надо было записаться к мастеру, в салон, если сама умеешь только в чужих волосах копошиться.

– Хорошо, дорогой! Как разбогатею на этих чужих волосах, так сразу же!

Сразу же после визита к Бунину.

МОЙ МИР. Глава 2

Небо нещадно плевало в меня чередой мороси и ледышек. Нежно подталкиваемая зимним благолепием я понуро брела вдоль одичавшей дороги. До нашего отделения полиции идти минут тридцать. Если вот не идти, а прям неспешно бежать. Но ни идти, ни бежать, ни что-то между я была не в состоянии, а редкие полуночные автомобилисты отчего-то не горели желанием честно заработать целых 150 рублей. Ну или сколько там сейчас берут, чтобы добросить честного гражданина до рассадника людей в форме?

Вот интересно, а если меня вызовется подвезти какой-нибудь маньяк? Нет, он, конечно же, сразу не скажет мне: «Садитесь, денег не надо, я совершенно финансово в вас не заинтересован. Я, знаете ли, маньяк! ». Но, скорее всего, до отделения полиции мы всё-таки не доедем. Наверное, завернём к стройке, обещающей старенькому району новомодные пентхаусы и богатых новосёлов. Благо, это по той же дороге.

– Да кому я нужна?! – моя дежурная успокоительная фраза.

Так себе комплимент, конечно, когда твоя внешность вместо «спаси и сохрани». Но сегодня это не чуть не расстраивало, а даже как-то успокаивало и, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, придавало уверенности.

– До отделения, 250? – неожиданно шиканула я в окно

резко подъехавшей «десятки».

– Ого! – изумился водитель. – Проблемы? Садитесь.

Да какие проблемы, товарищ бомбила? О чём вы? Просто сегодня день Святого Валентина, а я одинокая женщина тридцати лет с антиманьячной внешностью. Ну и к кому, скажите на милость, мне податься, как ни к ментам, в сей поздний час?

– Что-то случилось? – автолюбитель повторно проявил заботу.

– Угу, – кивнула я в сумку, от смущения позабыв, зачем вообще туда полезла.

Дело в том, что я интроверт чуть меньше, чем Светка. Именно чуть. На фоне подруги я так вполне себе социально активный индивид. Но то на фоне неё. А вне Котовского окружения я сторонюсь незапланированных контактов с той силой, с какой к ним стремятся работницы трасс, панелей и прочих мотыльковых точек.

Мне, собственно как и вышеупомянутым дамам, общения с малознакомыми людьми с головой хватает на работе. Только в отличие от ночных леди сотрудничают со мной исключительно женщины. Да и получаю я значительно меньше. Зато меня, как хорошее противозачаточное, клиентки рекомендуют своим подругам. Или у жриц платной любви всё тоже самое?

Пытаясь усмирить липкий, точно мои ногти, страх, я усиленно тёрла руки уже вдоволь почерневшими ватками. Ка-

залось, я просто гоняю лак с ногтей на пальцы и обратно. Очень симпатичная вмятина на указательном пальце! Прямо как-то жалко стирать.... Это, интересно, я чем так? А, ключами! Даже зубчик отпечатался.

– Я открою окно? – морщившийся водитель скорее утвердил, нежели спросил.

Специфический аромат средства для снятия лака не сказать, что бы витал в воздухе, нет. Он именно стал им: удушающий смрад будто въелся в обивку салона, норовя стереть автомобиль изнутри. Хорошо, если б вместе со мной....

– Ты ведёшь себя очень некрасиво! – вступил в неравную борьбу за этикет мой Внутренний Критик.

Не равную, потому что я всегда ему проигрываю. Критику, в смысле. Ну и этикету, как следствие. Всё, что бы я ни делала – я делаю не так. И не делаю я тоже плохо. Можно подумать, я нарочно! Вон, и наклейка ярко кричит – «Без ацетона»! Чего ж тогда этим ацетоном так воняет? Вот же недобросовестные производители! Заявление на них написать, что ли? Всё равно ж в «заявительное» учреждение еду. Хотя здесь же не указано, что средство «без запаха ацетона»....

– Приехали, – оповестил хозяин десятки.

– Вот, – я протянула смятые купюры.

– Оставьте, вам нужнее, – водитель приветливо улыбнулся. – Я этих мусоров знаю, им сколько не дай – всё мало! Удачи вам там, – кивнул он в сторону отделения ранее упо-

мянутых им «мусоров».

– Спасибо.

Машина резво тронулась с места, харкнув выхлопной трубой. Так сказать, отметила скверность моего положения. Даже не подчеркнула, обвела в круг жирной линией. И попала в десяточку.

– До свидания, – зачем-то добавила я, перебирая в руках измученные ватные комочки.

Хороший бомбила попался! Денег не взял.

– И на стройку не увёз!

– Да, и это тоже. Хотя я сейчас не очень уверена, что всё к лучшему.

Ладно, будет тебе, Бунин, праздник: целых триста рублей вместо предполагаемого остатка в полтинник.

Примириительно вздохнув, я побрела в сторону проходной. И куда мне, спрашивается, девать эти вонючие ватки? Вот, говорите, мусарня, мусарня, а мусор выкинуть некуда. Тоже мне, слуги народа! Или это не про них так говорят? Неважно! Урны могли бы поставить. А то вон – уже кто-то отдекорировал бетонный овал клумбы окурками и объедками. Нет, цветы там, конечно, вряд ли поэтому не растут. Тут скорее зима виновата, но это же не повод сажать в свято место то, что стало пусто? И, главное, Бунин бездействует! Тогда прими, капитан, с благодарностью ещё одно преступление: я швырнула надоевшие ватки в сонм фантиков и прочих отходов человечества.

– Вы по какому вопросу? – обратился ко мне молодой сотрудник, едва я осквернила собой проходную отделения.

– Мне к Бунину, – сказала я так тихо, что скорее подумала, чем озвучила.

Территория ОВД поражала воображение количеством разномарочных авто, татуированных полицейской символикой. Здесь тебе и скромные представители отечественного автопрома, и высокомерные «иностранцы» – выбирай, как говорится, на что погон ляжет. Проходя мимо дородной блестящей Газели, мирно посапывающей между двумя Уазиками, я предприняла очередную попытку отделить пальцы от внутренностей кроссовка. Задумка не увенчалась успехом и я, излучая невозмутимость, продолжила шествие вдоль бело-голубых экспонатов.

Интересно, а мотоциклы у них тоже есть? А велосипеды? Обязательно с багажником, чтоб было куда усадить дерзнувшего на правопорядок. Или этот неразборчивый автопарк всё-таки имеет грани допустимого? Ну, как отчаянные алкаши, что за второсортный стеклоочиститель могут душу продать, но потреблять палёную водку – увольте!

Свет фар со стороны ворот ознаменовал прибытие еще одного четырехколёсного стража закона.

– Прямо как птенцы в гнёзда слетаются! – пронеслось в голове.

– Проходите скорее! – скомандовал сотрудник, расчищая дорогу приехавшему седану от моего наличия.

Легко сказать, господин полицейский. Я, конечно же, пройду. Наверное. Но вот мой педикюр совершенно не предполагает никакого ускорения.

Кое-как протопав оставшиеся метры до кирпичного здания, я остановилась и, поджав для успеха мероприятия губы, снова попыталась отлепить уставшие пальцы от бесившей обуви. Тщетно! Надеюсь, что там мне не придётся разуваться. Представляю лицо Бунина, когда он увидит мою аппликацию из носков и ногтей. Я, правда, самого Бунина ещё никак себе не представляю, но заочно он мне уже не нравится!

Дурацкий-дурацкий Бунин! Это всё – из-за него! Из-за него Светка так удручающе вздыхала! Из-за него я уделала мамин палас! Из-за него я воняю ацетоном! И вынуждена проводить этот дебильный День всех влюблённых дебилов не перед сериалом про ментов, а наблюдать их воочию! И это из-за него я не знаю, что мне делать! Я понятия не имею, как мои триста рублей смогут нам помочь. Я знаю только то, что без Светки уйти просто не смогу.

– Мне очень страшно! – подбодрили меня мои мысли, и я схватилась за ручку заветной двери.

– Ну начатое надо доводить до конца! – вклинился внутренний Критик, и я с последними остатками смелости потянула дверь на себя.

Убивающе яркий свет радушно плеснул в физиономию, опалив роговицы. Очевидно, ему было невыносимо тесно в

этих квадратных метрах, оттого он с удовольствием встречал всех новоприбывших. Обескураженные замёрзшие гости как единственный способ покинуть душное помещение.

Не понимая, что мне делать дальше, я продолжала стоять на пороге, выпуская страдающее клаустрофобией электричество в февральскую ночь. Огромная пустая комната, этакий ментовский вестибюль, не давала никаких указаний. Из правого угла, не тая любопытства, на меня поглядывала мягкая кушетка. Но не думаю, что будет уместно в столь поздний час воспользоваться её услугами. Прищурившись, я старалась выцепить ещё какие-нибудь артефакты переосвещённого периметра.

Стопроцентное зрение не мой конек: чтобы не чувствовать себя ущербной в кабинете офтальмолога, я заучивала таблицу Сивцева наизусть. Ну эту, где после больших Ш и Б остальные буквы начинают неприлично терять в своём величии. И по закону сохранения энергии: если где-то убыло, значит где-то прибыло: декомпенсация зрительных способностей легла тяжёлым бременем на мой слуховой аппарат.

Раздражает это, надо сказать, чудовищно. Особенно инициативность соседей сверху. Эти тяжёлые во всех смыслах люди почему-то не могут жить, не издавая никаких звуков. То ругаться им приспичит, то чихать, то телевизор смотреть. И всё аккуратно после полуночи. Невероятно беспокойные существа. Хорошо, родители переехали жить загород, а то и их вкрадчивый шёпот, должный оберегать мой утренний сон,

натурально сводил с ума.

Повинуясь личному правилу «не можешь увидеть – услышь», я выхватила из яркого бытия невнятный мужской бас. Интересно, откуда звук? Не кушетка же от одиночества начала бубнить.

Ощущая себя крысой, пленённой мелодией дудочки, я двинулась в направлении неизвестного голоса. По мере движения бас становился всё более различимым. И требовательным. Осторожно косолапя исключительно в направлении прямо, я терялась в догадках: где же в этой белой стене мне удастся обнаружить источник шума?

– Я тебе уже всё сказал, Лёша, или так, или никак!

Левее выбранной траектории я заметила в стене окно. Как и положено всем особо важным окнам, отверстие организовали на уровне солнечного сплетения посетителя. Инстинктивно поклонившись благородной прорези, я чуть не столкнулась лицом к лицу с усатым майором. Офицер, восседавший за лакированным столом, был основательно поглощён текущей работой: одной рукой он пытал шариковую ручку, уже в который раз теряющую сознание от головокружительных мучений, второй прижимал к уху телефонную трубку. Такую, знаете, что кудрявым проводом припаяна к коробке с кнопками.

– Перезвоню, – Усач недовольно уставился на меня. – Вам чего?

– Проездной на 2 поездки, – манило отозваться, больно

уж человек за стеной напоминал кассиршу из метрополитена. Не усами, конечно, а этой своей манерой снисходить до просящего.

– Мне к Бунину, – как-то по-свойски расслабленно бросила я Усачу в окно.

– Это к Васе что ли? – непонятно, кому адресовал свой вопрос майор и задумчиво принялся крутить писчим предметом в воздухе.

– К капитану! И побыстрее!

Усач смерил меня взглядом и отвернулся. Будто ведром презрения окатило. Вот я и не стала объяснять, что не от излишнего хамства, распирающего самодовольное нутро, повысился голос, а от переживаний. В стрессовых ситуациях я безвольно укутываюсь с головой в одеяло внутреннего монолога, однако на малейшие попытки вытянуть меня на свет Божий начинаю грубить и, если повезёт, иронизировать, при этом совершенно не одобряя собственные маневры. Корабль моей уверенности бескомпромиссно идёт ко дну, и тут на палубу выбегает взъерошенный капитан и начинает материться на любого мимо проходящего, пусть и готового помочь. Особенно на идущего помочь.

– Володь, набери Бунину, скажи, к нему пришли, – майор неодобрительно покосился на меня и нехотя добавил: – Девушка.

Сидевший за компьютером в углу комнатёнки молодой – не вижу погоны – парень потянулся к смартфону, не отрывая

глаз от монитора:

– А что за девушка?

– Не знаю, – буркнул офицер в усы. – У него и спросишь, – уткнулся в потрёпанную книгу, всем своим видом давая понять, что коммуникация у нас с ним не заладилась.

– Вась, к тебе девушка. Ага. Да. Да. Понял, – тараторил из компьютерных дебрей Володя. – Проходите, второй этаж, лестница справа, комната 209, – отрапортовал, не отлипая от компьютера.

Говорит, как будто печатает. Интересно, а он мысленно пробелы ставит? Красным подчеркивает незнакомые слова?

Чуть помедлив около узников «законния», я двинулась по проложенному Володей маршруту.

– Только не упади, – отозвался Внутренний Критик на мою вторую попытку зацепить носком кроссовка помятую ступеньку.

– Да, это было бы лишним. Как и это событие в моей жизни!

Обречённость заботливо обняла меня за ссутулившиеся плечи. Вот, кто никогда не покидает меня в трудные минуты – моя подруга Безнадёга. Перебирая ногами хребет лесенки, я постаралась выпрямиться. Позвоночник ободряюще хрустнул, ознаменовав конец моего путешествия.

Ну и в какой стороне комната 209? Где ты, Бунинская обитель? Скрипящий коридор навязчиво твердил о своей финансовой несостоятельности при каждом моём с ним по-

ловом контакте. Второй этаж этой ментадельни визуально соотносился с первым, как любое стихотворение Асадова с рифмами дебютной влюблённости стандартной семиклассницы. Размышляя, почему строительная цивилизация не поднялась выше вестибюля, я цеплялась взглядом за цифровые наименования встречающихся на пути дверей.

206. 207. 208. Я выдохнула. Следующая дверь была открыта. Ноги стали тяжёлыми, как вся моя жизнь, начавшаяся громким выкриком в роддоме. Я абсолютно уверена, что заорала, узнав, что все дальнейшее пребывание вне утробы матери меня реально будут звать «Мася».

То ли жалостливый коридор уснул, то ли я достигла максимальной амортизации благодаря невидимым кандалам, окапкнящим мои конечности, но оставшееся расстояние далось мне максимально бесшумно. Контрольный вдох, в голове так не к месту пронеслось «с Богом», и я заглянула внутрь комнаты.

МОЙ МИР. Глава 3

В офисном кресле, запрокинув ноги на стол, улыбался в экран ноутбука молодой человек в штатском. Его интерес к происходящему разделял полицейский, расположившийся на столе спиной ко входу.

– Заходите, Мар-се-ли-на Андреевна, – нарочито аккуратно произнес моё имя мужчина в форме, – Не стесняйтесь.

Эту говорящую спину я узнала по голосу – капитан Бунин! Ледяные мурашки, за секунду оккупировавшие мои плечи, бросились врассыпную по всему телу, преимущественно оседая в прилипших кроссовках.

– Заходите, заходите, – капитан соизволил повернуться ко мне.

Я послушно вступила на Бунинские владения. Парень в штатском изучающе улыбнулся мне из кресла. Чтобы придать себе уверенности, я решила непременно куда-нибудь сесть. И чуть не вскрикнула, неожиданно заметив у стены скрючившуюся на стуле Светку. Как будто кто-то хмельной от февральского мороза сбросил надоевший палантин. Сбросил и ушёл по своим весёлым делам, а подневольный кусок ткани так и остался понуро лежать.

Светка подняла голову и как-то невыносимо трагично посмотрела на меня.

– Хорошо, что не били, – заметил Критик.

Бесцветное лицо подруги, трудно различимое на фоне серой куртки, отражало весь трагизм нашего бытия. Чтобы не расплакаться от ощущения густой, как разваренная овсянка, беспомощности, я перевела взгляд на Бунина.

– Присаживайтесь, Мар-се-ли-на Андреевна, – капитан кивнул на стоящий около него уже кем-то обгрызенный стул.

Когда ты, Бунин, имя-то моё начнёшь нормально выговаривать? Порепетировал бы, что ли. Хоть один, хоть вон – с другом своим. А то каждый раз, как иностранец на застолье со своим «на-здо-ро-вье».

Я примостилась на краешек указанной мебели. Теперь от полулежащей Светки меня отделял письменный стол, декорированный ногами молодого в штатском.

– Ром, ну ты это, иди. Подожди меня там, – Бунин жестом указал другу на дверь.

– За мою психику переживаешь? – усмехнулся тот, вставая с кресла. – Не хочешь, чтобы я видел, как ты девушек пытаться будешь? – он улыбался, глядя мне в глаза.

Глаза.... Какие у него необыкновенные глаза! Раньше я не одобряла всю эту поэтическую истерию относительно человеческого органа зрения. Ну глаза и глаза, чего там особенного? Зрачок да ресницы. Какое там зеркало души? Где там бездонные океаны? Лучше бы так восхваляли носы – вот это я понимаю! Глаза-то у всех практически одинаковые, а носы – это прям как отпечатки пальцев: у каждого свой, неповторимый. Неповторимый, как его глаза! Никакие раннее из-

вестные мне эпитеты не могли описать их.

– Как небо, – подсказал Критик.

– Ну нет, не как небо. Они – само небо! Когда смотришь в него и не замечаешь ничего, кроме....

– Ну, Ром, ну серьёзно! Давай быстрее, а то не успеем, – Бунин таки прорвался сквозь пелену моего наваждения.

Одним словом – мент: везде пролезет.

– Ухожу-ухожу, товарищ капитан, – Рома, продолжая улыбаться, направился к выходу.

Мне показалось, что я не могу дышать, что дышать просто нечем, что....

– И так, Марсе-ли-на Андреевна, разговор состоится у нас с вами не самый приятный, – Бунин посмотрел на меня в упор.

Закрывшаяся за Романом дверь не оставила мне шанса – я повернула себя к капитану. Ну вот у него глаза как глаза: обычные и... и... никакие. Молодое лицо, окаймленное небритостью средней тяжести, крупный нос и совершенно обыкновенные глаза.

– Четырнадцатого февраля сего года Котова Светлана Владимировна была остановлена сотрудниками ППС для проверки документов, – капитан важно произносил каждое слово, не сводя с меня своих обычных глаз. – В ходе проверки у гражданки Котовой был обнаружен и в последствии изъят пакетик с, предположительно, веществом наркотического характера, а именно марихуаной, – Бунин выпрямил-

ся и начал мерить шагами просторы кабинета. – После чего гражданка Котова была задержана и доставлена нарядом ППС непосредственно ко мне, – он вопросительно посмотрел на гражданку Котову, и Светка возражений не возымела.

– Ну как будто наркобарона схватил, вот не меньше! – возмутился мой Критик от капитанской важности.

Вдохновившись нашим молчанием, доблестный оратор продолжил вещать о подвигах бдительных стражей порядка, о злостности совершённого Светкой преступления, о её упорном нежелании сотрудничать со следствием.... Он так часто ходил и так много говорил, что, несмотря на всю офицерскую стройность предложений, моя голова перестала воспринимать его информацию. Сказать об этом я постеснялась, предпочтя изображать внимательного слушателя.

– Вот поэтому, госпожа Леонова, я задаю этот вопрос вам: что будем делать? – довольный Бунин резким поворотом ко мне обозначил финиш словарного марафона.

Ну хоть по фамилии назвал. Дошло наконец, что и так можно.

Я поджала губы, моля о пролонгации. Пожалуйста, пусть это будет ещё не конец его пламенной речи. Почему бы ему не подвести какие-нибудь итоги или тезисно не обозначит всё вышесказанное?! Как на лекциях, дабы я все-таки догнала, что мне отвечать на этот вопрос. И почему именно мне?!

Хотя, конечно, я и так догадывалась, по какой причине подруга выбрала меня в качестве своего представителя. Нет,

я не получила диплом о высшем юридическом образовании, более того, я даже не рассматривала для себя такой перспективы. Я плохо понимаю, чем отличается юрист от адвоката, не читаю на досуге Конституцию Российской Федерации или Уголовный Кодекс. Светка вызвала меня в этот непростой для неё день, потому что я её единственный друг.

Мы живём в одном доме на одном этаже уже 25 лет. Мы ходили воспитываться в один детский сад, досужничать в одну секцию, учиться в одну школу и курить в один подъезд. Получив дипломы в разных ВУЗах, мы всё так же вместе сидим без работы и без особого желания её найти.

Чтобы прокормить сотрудников коммунальных служб я поверх синего диплома психологического факультета положила сертификат об окончании курсов стилиста по волосам, а Светка свои знания экономических премудростей помножила на тонкости арендодательных взаимоотношений. Нам обоим не доставляет удовольствия вести социально активный образ жизни, что бахвалится встречами бывших одноклассников и сюсюканьями на фото чужих детей. Рабоче-деловые перипетии со сплетнями коллег и проклятиями начальства вызывают восторга не многим больше.

Правда, мне бабушка ни моя, ни Светкина, к сожалению, квартиры не оставила, поэтому о жизни рантье приходилось только мечтать, заплетая косы очередной клиентке под её жалобы на личную жизнь. Да и относительно параметра личная жизнь у нас с подругой разногласий тоже не возникало.

Как говорится, чего нет, того нет.

Я не знаю, что конкретно из вышеперечисленного поможет мне ответить на вопрос капитана Бунина. Я сама не знаю, что нам делать. Всё, что я могла – я уже сделала: я сюда пришла!

Мы с офицером молча смотрели друг на друга: я крото-печально, он уверенно-вопрошающе.

Какой же он высокий, выше меня, а я метр семьдесят. А Рома же ещё выше. Выше и худее. Рома прям молодой человек, а Бунин – мужик, хотя они, наверное, ровесники. Как мы со Светкой. Может, Бунина так погоня его старят?

– Марселина Андреевна, – от злости капитан впервые без запинки произнес моё имя. – Я, честно говоря, надеялся, что вы будете более общительны.

Надеялся он! А вам разве не запретили надежду как элемент, разлагающий дисциплину? Или тут аналогично взяткам – палка о двух концах: с одной стороны карается по закону, с другой – правосудие всё одно слепо, отчего ж не взять, когда дают? Мздоимство, вне сомнений, плохо. Но вдруг ты откажешь, а купюрный даритель, чего доброго, обидится?! Это же ещё хуже! Всегда хуже провиниться перед человеком, нежели пред буквой закона.

Я действительно общительнее, чем моя подруга, тут уж ожидания Бунина оправдываются целиком и полностью. Просто как-то день сегодня не задался, и как-то мне сегодня не общается. Ладно, была не была:

– Как вас зовут? – я старалась не потерять внезапно нашедшееся самообладание, наблюдая за удивленно приподнимающимися бровями полицейского.

Нет, это не первое, что пришло мне в голову от слепой безысходности. Здесь намеренная акция: если вы хотите расположить к себе собеседника, называйте его по имени как можно чаще. Это же не просто графа в документах, собственное имя – самое приятное буквосочетание. Пароль к истинному «Я»: большому, маленькому, счастливому, несчастному, любимому, отвергнутому – к себе настоящему.

Мне нравится называть людей по имени. И я уверена, что людям бесконечно нравится слышать их имена. Поэтому я пошла на Бунина с козырей.

– Василий Михайлович меня зовут, – капитан прищурил свои обычные глаза.

Далее ничего подходящего из психологии мне в голову больше не шло. Ну не про Эдипов комплекс же ему тут рассказывать? Мозг отчаянно шарил по ящикам памяти, но папки с другими, приличными для данной ситуации сведениями обнаружить не удавалось.

– Как корова языком слизала, – подвёл итоги безуспешных поисков Внутренний Критик.

Ну и ладно. Обратимся тогда в секцию просмотренных сериалов про полицию:

– Василий Михайлович, – мягко начала я наводить мосты, – Я прекрасно понимаю, что сейчас бесполезно гово-

рить вам, что моя подруга не употребляет наркотики. Я так же понимаю, что глупо поручаться за неё и всё такое, – найденная мысль начала теряться.

Кто-нибудь выгоните эту корову из моей головы, а то она вместе с моими аргументами слизывает и призрачные шансы на хоть сколько-нибудь благоприятный исход.

Бунин смотрел в меня, забывая моргать. Я начала злиться на себя и свою вербальную закомплексованность:

– Василий Михайлович, я знаю, что предлагать вам деньги за то, чтобы вы отпустили мою подругу – незаконно, – это прозвучало несколько громче, чем я рассчитывала. – Я не хочу подвести вас под статью. Вы же ничего плохого мне не сделали, – тут я усомнилась, но решила продолжить, не сбавляя темпа, – Поэтому, пожалуйста, Василий Михайлович, скажите сами, как я должна поступить в сложившейся ситуации?

Бунин, не опуская бровей, продолжал смотреть мне в лицо. Я отвечала ему тем же. В висках пульсировало ощущение собственной бесполезности – я не смогла удержаться на плаву происходящих событий. Более того, я сама же начала нас топить своими заявлениями про взятку и её незаконность. Теперь Бунин не возьмёт деньги из принципа. Понятно же, что он за этим меня вызывал. Наверное, надо было перед ним сразу честно признать свою нищету финансовую, вместо того, чтобы гарцевать своей нищетой лексической. Я все испортила, я....

– Чем тут ... мммм... пахнет? – капитан втянул носом воздух и опять поморщился.

Мы с тихо покрывающей стул Светкой как по команде начали принюхиваться. Чёрт, ацетон! Вместо того, чтобы держать фаланговые аромапалочки в кармане куртки, я, беззастенчиво сцепив руки на коленях, благоухала на глазах у недоумевающего Бунина.

Непроизвольно закинув нога на ногу, я почувствовала, как правый носок наконец-таки отлип от кроссовка. Расценив это как хороший знак, я неожиданно завопила продолжающему морщится капитану:

– Пахнет тут заявлением в УСБ!

Нет, он не удивился, его космически округлившиеся глаза говорили мне о том, что он охренел.

– В управлении собственной безопасности будут ой как рады моему заявлению! Вы же простой районный следователь?

– Опер, – механически поправил Бунин.

– Хорошо, опер, пусть так, – я милостиво согласилась. – Ну, то есть вы не главный! Не начальник там и не подполковник. На вас очень легко завести дело, чтобы срубить очередную «палку»!

Последний раз такое самодовольство я испытывала, дай Бог памяти, а, да, правильно, никогда! Надо запомнить этот момент – момент моего коммуникативного триумфа!

Бунин сел на стол и уставился прямо мне в мозг. Серьёзно,

поверьте мне на слово, так в глаза не смотрят. Он просто бу-
ровил своим озверевшим взглядом мою черепную коробку.

Я как-то совсем не вовремя поймала себя на том, что улы-
баюсь не только ментально. А если он меня сейчас ударит?
По нему видно: он не то, что бы может, он, такое впечатле-
ние, мысленно уже наносит мне тяжкие телесные. Борясь с
отъявленным желанием зажмуриться, я щурилась, стараясь
по возможности не дышать.

– Сериалов что ли пересмотрела? – оглушительно взревел
капитан.

Мне показалось, что у меня треснул весь слуховой аппа-
рат до основания. Возможно, даже ушная раковина осыпа-
лась, украсив блёклыми осколками замученный пол.

– Василий Михайлович, можно вас прервать ненадолго? –
Роман прислонился к открытой двери.

Какой же приятный у него голос! Как приятно его слы-
шать. Как приятно слышать вообще – вот, что я поняла по-
сле Бунинского рёва.

Капитан тяжело поднялся со стола, не спуская с меня
глаз. Когда дверь захлопнулась, я почувствовала, что про-
должаю улыбаться. Надеюсь, это не какой-нибудь посттрав-
матический синдром, и я смогу адекватно распоряжаться
своей лицевой мимикой в дальнейшем.

Вряд ли на зоне любят улыбочивых. А то, что Бунин поса-
дит теперь и меня – под сомнения не ставил даже мой Внут-
ренний Критик, а уж он-то мастер оспаривать все мои умоза-

ключения. Светку посадит за наркоту, а на меня что-нибудь поинтереснее повесит! В голову, правда, пока не приходило, на какую роль из преступного театра я могу сгодиться. Но уверена, Бунин обязательно что-нибудь мне подберёт. Ещё бы, он так разозлился!

Я до сих пор не решалась посмотреть на Светку. Мне чудилось, что озверевший капитан всё ещё пристально наблюдает за мной. Такому ведь и закрытая дверь не преграда.

– Мась, что теперь будет? – подруга не выдержала массива давящей тишины.

– Не знаю, – я хотела добавить «прости», но не успела.

Бунин забасил в дверном проёме:

– Гражданки Котова и Леонова, – в мою фамилию он как будто бы плюнул, – Я вас больше не задерживаю.

Светка округлила глаза. Я поняла, что опять улыбаюсь – аллергия что ли какая на этого Бунина?

– Аллё, гражданки, вы свободны. На выход!

Мгновение, буквально треть секунды, и полицейский вышвырнет нас в окно сразу парой.

Я поднялась с опостылевшего стула, стараясь придать солидности каждому своему движению, подхватила Светку за руку и двинулась к выходу.

Опомнилась я уже на улице, когда студёный воздух больно ударил в нос – прав был Бунин, в кабинете реально воняло. Закурила, не выпуская Светкину ладонь – думалось, а вдруг отпущу её, и откуда ни возьмись появится грозный

капитан и утащит мою гражданку Котову обратно к себе в обшарпанное логово?!

В пелене сигаретного дыма мелькали тусклые кадры: вот мы со Светкой, взявшись за руки, как можно увереннее дви- нулись в светлое будущее – только гладиолусов не хватало. Гладиолусов, пакета со сменкой и таблички «1Б».

Вот мы спускаемся с прямыми спинами в ожидание, что Бунин сейчас пробасит:

– Ну-ка вернулись обе. Я пошутил!

Вот на последней ступеньке нас догоняет Ромино:

– Удачи вам, девушки.

Моё гулкое, но гордое:

– Спасибо, и вам.

Вот я зачем-то прощаюсь с Усачом....

– Девушки, у нас тут не курят! – молодой лейтенант при- ветливо утопил окурок в чашу металлической урны.

– Извините, – я схватила Светку ещё крепче и рванула сквозь проходную.

ЕГО МИР. Глава 1

– Забавная она, правда, Василий Михайлович?

– Ага, Роман Дмитриевич! Не то слово! Прямо совсем не то, – Бунин плюхнулся в кресло и уставился в проспавший всё самое интересное ноутбук.

– Вась, ну ты чё? Ты всё равно бы с них много не срубил. Видно же, что не мажорки: девчонки совсем простые.

– А простота, Рома, она, знаешь ли, хуже воровства, – Вася обиженно застучал по клавиатуре. – И вообще, Королёв, можно на своём рабочем месте свои дела я буду делать сам... без вмешательства Управления из трёх букв?

– Бунин, ты такой трогательный, когда злишься. Как новорожденный котёнок....

Вася оторвался от экрана с тяжёлым взглядом.

– Только тебя утопить не хочется.

– Смешно, Королёв, смешно. Только в кино опоздали, и я без бабла остался, а так смешно!

– В кино завтра ходим, я угощаю.

Бунин вопросительно поднял брови.

– И, разумеется, пиво за мой счёт. Должен же я как-то компенсировать грозе преступного мира срыв особо важной операции?!

– Прощён, – кивнул Вася, закрывая крышку ноута.

– Только оденься завтра попримечнее. У тебя же есть что-

нибудь приличнее твоей формы?

– Не поверишь, есть. А что, Королёв, стесняешься районных коррумпированных ментов? Так всем скажи, что мы не пара, – гулкий смех Василия растёкся по периметру кабинета.

– Вась, вот ты, вроде, форму надел, смотришь на тебя и думаешь – приличный мент. А шутки у тебя – хоть в УСБ пиши!

– Ой, – Бунин от смеха согнулся в кресле, – Не напоминай мне про эту чеканутую. И так, чувствую, ещё долго она мне сниться будет со своей немой напарницей.

Отсмеявшись, он отодвинул верхний ящик стола, достал хрустальную пепельницу с отколотым бочком и принялся шарить по карманам кителя на предмет зажигалки. Разочаровавшись в одежде, Вася нагнулся к нижнему ящику:

– А зачем прилично одеваться-то? Праздник завтра какой? – нащупав коробок спичек, довольный Бунин выпрямился и потёр поясницу, давшую о себе знать вследствие чуждой физической активности.

Чиркнул спичкой, оградив ладонью сигарету от воображаемого ветра, и закурил с видом утомленного жизнью человека, который слишком много пожил на этом свете, и вообще «вам не понять».

– Майора тебе дали что ли?

– Всею своё время, Вася. А завтра у нас с тобой двойное свидание.

– С кем? – Бунин от удивления поперхнулся дымом.

– С девушками.

– Я понял, Рома, с какими?

– Ну как с какими?! С гражданкой Леоновой и гражданкой Котовой.

– Дурак. Я серьёзно.

– И я.

Вася застыл, забыв, что в процессе курения втягиваемый дым хорошо бы выпускать.

– Ром, ты debil?

– Нет, я дурак.

– Ром....

– Вась, ну тебе сколько уже? К сороковнику? Пора бы не только с начальством взаимоотношения налаживать.

– Королёв, я тебе сказал, я с этой ненормальной никуда не пойду. Она же реально в УСБ написать может. Типа я её изнасиловать хотел. То есть ей мне мозг насиловать можно, а....

– Да никуда она не напишет. Тем более на тебя. Ну испугалась девчонка, поняла, что ты бабла хочешь. А откуда у них бабло? Ты их шмотьё видел?

– Я, Рома, по шмотью не спец.

– Не суть. Просто поверь на слово, денег, тем более лишних, чтобы вот так вот спонтанно подарить некоему капитану Бунину, у них нет. Кстати, надо пробить подробнее, кто они и зачем.

– Зачем что?

– Зачем всё, Вася. Зачем абсолютно всё.

Бунин насупился, недовольно прижимая окурок к пережившему не один допрос хрусталу. Очевидно, что спонсором его эмоциональной реакции был совсем не дым, испускаемый остатком сигареты в борьбе за своё прозаичное существование.

– Вась, ну нормальные же девчонки. Симпатичные, земные, неискушённые, мамо-папой не угрожают.

– Ну тебе-то нет! А меня эта психическая Мальвина чуть на нары не отправила, – он рассмеялся, радуясь скорее вернувшемуся чувству юмора, что отходило некоторое время назад по своим делам, нежели перспективе нового свидания со слишком «борзой», по его терминологии, барышней.

– Марселина! Вася, заучи. А то, если облажаешься, заяву на тебя вместе с ней катать будем.

– Смешно, Королёв. Завтра один и пойдёшь. Будете там смеяться втроём. Не знаю, дойдут ли твои шутки до этой с анашой, но Мальвина обязательно поржёт. И, да, ППСникам проставь с тебя! Раз уж ты такой благородный.

– Бунин, не нервничай, всё с меня – и хлеб, и зрелища. И всё, что захочешь. Но меру знай – а то сам знаешь, куда напишу.

– Ты достал уже, писатель!

Вася поднялся с места и оценивающе окинул свой кабинет, мысленно задаваясь извечно-русским вопросом «а всё

ли я взял?». Усталое накинул куртку на плечи и лениво продолжил:

– День дебильный сегодня: проспал, потом эта проверка, хрен ли им спокойно не сидится? Еле форму свою отыскал. Забыл, что она вообще у меня есть. Целый день ходил перед начальством, важностью отсвечивал. Думал, хоть вечером расслаблюсь.

Предугадывая свою следующую мысль, Вася поморщился:

– Тут ППСники девку приводят. Да не одну, а с коробком. А там, Рома, совсем не спички. А, знаешь, что? Марихуана! Лежит себе аккуратненько, девственно нетронутая. Думаю, вот тебе, капитан Бунин, за все твои тяготы! И ведь не подкидывали, всё по-честному – слили девку её же друганы.

– Так себе «друганы». Их бы и закрыл.

Не замечая ничего и никого вокруг, Бунин продолжал распылать гневную отповедь по выдавшему те ещё виды помещению:

– Думаю, вот тебе, Вася, материальное поощрение за примерное поведение. Андрюха, пэпс (*сотрудник патрульно-постовой службы – ППС), звонит, мол, должок один товарищ вернуть решил натурой: бабе своей знакомой травку слил. На тебе, Вася, оформляй как душе угодно. И за сколько угодно. Но не тут-то было. Пришёл Рома и всё испортил доблестному оперуполномоченному капитану Бу..., – Вася застыл напротив двери с ключами в руках. – Слушай, я всё

понял! Она тебе понравилась, что ли? Мальвина эта?

– Марселина.

– Не суть, – Бунин закрывал дверь кабинета с видом человека, стоявшего на пороге величайшего открытия, только ещё до конца не понимающего, с какой стороны от порога это самое открытие лежит. – Ну реально! Дерзкая такая. Как ты любишь. Только больно невзрачная для тебя. Как мышь. ... Чё ты лыбишься?

– Сам ты мышь, оперуполномоченный Бунин. И сравнения у тебя мышиные. И ума столько же.

– Чё ржёшь? Угадал я? А? Втюрился? А как же Алина? – Вася толкнул дверь из мира офицеров в мир гражданских.

– Нормально Алина, чё ей будет?!

– Неужто кинула тебя твоя красотуля? – капитан осторожно вступил на промёрзший асфальт.

– Бунин, ты, кажется, пива хотел? Пошли скрасим твои мышиные будни.

– Пошли, Ромео, – Вася резво плюхнулся в кожаные объятия салона моего авто, – Ты же угощаешь.

Заведённая перспективой весёлого путешествия, иномарка бодро тронулась, вождедая скорее покинуть место своего стояния. Жёлтые фары ослепили снег, безучастно покрывающий захлебнувшийся в тишине город. Зеркало заднего вида равнодушно отражало умиротворение моего пассажира.

Мой мир. Глава 4

Эта дурацкая мелодия.... Я когда-нибудь её поменяю?

Плоский мобильный раздражающе музицировал, горящим экраном показывая, что моё желание спать – это только моё желание. И я могу и дальше желать всё, что мне угодно, я своему смартфону абсолютно не мешаю.

13:32. Номер не определён. Пока не поняла, что меня возмущает в этой ситуации больше: то, что я проспала большую часть светового дня? Или то, что всё остальное время мне суждено пребывать в состоянии дрожжевого теста: ну то, что бездумно бродит, не осознавая ни целей, ни средств?!

А, может, волнует меня то, что где-то это уже было?!

– Господи, только бы не Бунин! Может, не брать? Тогда он точно сюда припрётся! Такой умеет добиваться своего.

Я выдохнула и снова уставилась в экран поющего телефона, однако из нового там ровно ничего.

– А вдруг он опять Светку поймал? – проснулся Внутренний Критик.

И это стало последней каплей в течении моей нерешительности:

– Да? – нервно вырвалось откуда-то изнутри.

– Добрый день, Марселина Андреевна. Хорошо спали?

Этот сказочный голос.... Этого не может быть....

– Марселина Андреевна?

– Да... да бывало и лучше. А это кто? – я чувствовала, что он улыбается.

Улыбается так же красиво, как тогда.

– Простите, не представился. Роман Дмитриевич Королёв. Мы с вами вчера виделись. В кабинете у нашего общего знакомого.

– Да, это было незабываемо, – выдавила я.

И он рассмеялся.

– Марселина Андреевна, чтобы как-то скрасить прошлое недоразумение, я приглашаю вас и Светлану Владимировну в кино. Сегодня вечером в половину десятого вас устроит?

Какого тут, блин, происходит? Я ещё сплю? Всё так нелогично-романтически: один в один как мои сны. Но уставшая от тревожных покусываний нижняя губа ноющей болью дала понять, что скорее всего вот это вот всё – Рома со своим красивым голосом, я и кино – по-настоящему.

– Марселина Андреевна, мы договорились?

– Роман....

– А какое у него отчество? –забеспокоился Внутренний Критик, – Ты, что, забыла?

– Да?

Он улыбается, я в этом уверена, больше чем в себе. Хотя это спорная параллель, честно говоря. Но на отличные аналогии ни времени, ни ресурсов министерство высшей нервной деятельности средств мне не выделило, поэтому я продолжила, как будто всё так и было задумано:

– Роман, у вас ещё остались какие-то вопросы в связи со вчерашним... – я запнулась, а мой мозгхватило только на участливое наблюдение за моей вербальной беспомощностью, – Делом?! – так радостно да в таком контексте это слово, я убеждена, ещё никто не произносил.

– Вы меня не так поняли. Я и капитан Бунин приносим вам свои извинения за случившийся инцидент. В 21:30 у вашего подъезда.

Это прозвучало гораздо более утвердительно, чем мне бы хотелось.

– ОН тоже будет? – я проснулась до такой степени, что уже хотелось обратно вырубиться.

– Да, – Роман с позабытым мной отчеством рассмеялся. – Я и Василий Михайлович тоже будем. До вечера, Марселина Андреевна.

Я не помню, что ответила и отвечала ли вообще. Зажав телефон в правой руке так крепко, словно он мог вырваться и свалить из моей квартиры, левую я зачем-то сжимала в кулаке. Видимо, думала придать себе немного устрашения в противовес не желающему закрываться рту.

– Кто звонил? – зевнула Светка на другом конце дивана.

– Рома, – бросила я в ответ в стиле лучшее средство защиты – это нападение.

В увеличенных от насыщенной реальности глазах побежали кадры предыдущих серий. Вот мы с Котовой благополучно дошли до дома. Дружно решили, что спать пойдём ко мне.

Напрягал только тот факт, что живём мы на одном этаже, и в случае нашествия Бунина на её жилплощадь план «бежать» из моей квартиры выглядел бы весьма (и весьма – как добавляют начитанные граждане) нелепо.

Есть не хотелось. Чай не хотелось. Очень хотелось спать. Уставились в череду музыкальных исполнителей голубого экрана. Распластав себя по разложенному дивану, я чувствовала, что надо что-то спросить у лежащей рядом Светки. Но её мерное посапывание засвидетельствовало бесполезность любых словесных поползновений.

Я не помню, как уснула в этом рое «как?», «зачем?» и «почему?». Помню, что находилась в непоколебимой уверенности, что точно не смогу спать. Вообще. Никогда....

– Какой Рома? – Светка безмятежно потянулась.

– Ну Рома. Вчера, помнишь?

Котова так и подскочила с поднятыми вверх руками, как будто всё ещё потягивалась:

– Он же Вася? Бунин этот. Или как там его?

– Ну он Вася, а второй Рома. Тот, который нас отпустил.

– Почему ты думаешь, что это он?

– Ну а кто? Совесть Бунинская что ли проснулась? Сначала подкинул наркоту, потом стыдно стало.

– Нет. Почему ты думаешь, что это именно тот Рома звонил?

– Свет, ну он сказал, что он именно тот Рома.

– И чё хотел? – подруга, согнувшись, искала тапочки под

диваном.

– В кино зовёт.

– Кого? – она прижала найденную домашнюю обувь к груди.

– Нас, блин, кого.

– Я не пойду! – Котова рванула с тапками в руках в сторону санузла.

А я пошла ставить чайник.

– Ну, Свет, – встретились мы на кухне, – Тут нельзя не ходить. Надо по-хорошему, мало ли что.

Она обречено опустила на стул.

– Вот за что, Мась? – Котова обхватила руками голову, игнорируя пустую чашку, которая всем своим видом требовала насыпать в себя кофе и сахара «сколько надо».

– Ну как за что? – я растерянно застыла с извергающим пар металлическим чайником в руке.

– За что мне это всё? – она покорно наполнила чашку нужным количеством слагаемых.

– Свет, хорошо же всё закончилось, – я вспомнила про молоко. – Надеюсь, – вырвалось у меня в дверцу холодильника.

– Вот на хрен я с ним связалась?

– С кем? – я села напротив, не понимая, куда мне сдвинуть этот чайник на этой маленькой поверхности кухонного стола, чтобы хорошо видеть лицо подруги.

– Да с одним там. Знакомым.

– Очень информативно, Свет. Прямо всё на свои места сразу встало.

И вот в этом она вся: «один мой знакомый» или «ты его не знаешь». Вроде, дружим большую часть жизни, но всех её одних знакомых я не знаю.

– Мась, не злись, и так плохо.

Я уставилась в своё искаженное отражение в чайнике. Надеюсь, что оно действительно искажается. Положа руку на сердце, никогда раньше не смотрелась в чайник....

– Короче, друг Коляна, ну ты помнишь, с института, – подала голос подруга, – Предложил привезти траву....

– Что это за услуги такие? – от возмущения я выронила пачку сигарет.

– Ну он просто сказал, что у него есть. Ну я говорю «давай». Договорились встретиться у метро. Я пришла, он отдал коробок. Я ещё удивилась, чё он на машине около метро решил встречаться. Там же парковаться неудобно. Говорю ему – до дома довези. Он такой – не, не могу, ехать надо. Ну я и пошла.

– Далеко?

– Да не далеко, Мась. Около «Шаурмы» подошли менты. Документы там. Покажите сумку. Ну я и показала.

– Понятно. Сдал тебя один твой знакомый. Не понятно, с чего они решили, что ты откупиться сможешь. Тебя же явно не посадить хотели.

– Коля, наверное, рассказал, что я хату сдаю.

– Что же Коля не рассказал, что хату вы бабушкину сдаёте напополам с родителями?

– Ну, может, они хотели, чтобы я им квартиру отписала?

– Ну это вообще! За коробок анаши? Хотя, кому сидеть охота? Хорошо, конечно, пистолет тебе с убийства не подбросили. Вместе с трупом.

– Чё теперь делать, Мась?

– Да ничё! – Бунинский план раскрутить Светку за «план» злил и пугал одновременно. – В кино пойдём. Только брать у них ничего не будем. И вообще ничего брать не будем. Отпечатки там. Не понятно, что у них на уме. И дашь понять, что денег у нас нет!

– Как дам понять?

– Так и скажешь – нет бабла, нищие мы, без работы.

– Чё, прям так?

– Всё, Свет, не беси, я в душ.

– Ладно, я домой. Тогда у лифта в 21:20.

Струи тёплой воды, вопреки задуманному, ещё больше разбрасывали мои мысли. Это как будто не со мной. Ну это, откровенно говоря, и не совсем со мной происходит. Но и от Светки, тихого омута, я таких приключений не ожидала, несмотря на широкую известность соответствующей фразы.

Взгляд скользнул по ногам: эти чёртовы ногти. Надо с ними что-то делать. Завернувшись в полотенце, я направилась на поиски ацетона без ацетона. Хотя педикюр напоминал нечто монументально застывшее, какие-то скульптуры гор-

ных систем, чем просто лак.

Так, а где же эта жидкость? В предвкушении скорого очищения мозг выхватил из загашника запах искомой продукции. Ох, этот незабываемый аромат. Точно! Я же благоухала им не далее как вчера в кабинете Бунина. Флакон в сумке.

Я удобно устроилась на краю дивана с заветным артефактом в руках. Глазами победителя окинула то, что должно было быть ровным чёрным покрытием в другой реальности. Довольно, во всех смыслах этого слова, смочила ватный диск. Наклонилась к своим изуродованным обстоятельствами ногтям, и практически лицом к лицу, если так можно выразиться, столкнулась с глянцевым недоразумением из прошлого дня. Чёрное пятно лака приветливо смотрело на меня с поверхности белого паласа. Того паласа, что моей маме был очень люб и дорог. То пятно, которое при определённом ракурсе, казалось, нахально подмигивает.

ЕГО МИР. Глава 2

– Слушаю! – пробасил в трубку Бунин.

– Вась, ты там уснул?

– Да иду уже.

Раньше последнюю фразу собеседника непременно венчали бы короткие гудки. А теперь несуразная тишина. Или ваш друг просто сделал паузу, или же эта тишина имеет значительно более длительный характер, и вам следует перезвонить, если желание говорить ещё осталось. Раньше....

Лобовое стекло беспрестанно обнимали снежинки. Вечерние прохожие по возможности обнимали друг друга в знак противостояния обледенелому бездорожью. Меня обнимали только мысли – моя единственная твёрдая опора в мягком, проваливающемся слое действительности.

– Уф, скользко как! На пороге чуть не нае... не на...енто самое, – Вася отдал всего себя в распоряжение автомобильного кресла, с угнетающим для любого владельца звуком захлопнув за собой дверь.

– Вася... Легче! Это же не ваш Уазик.

– Ох, простите, товарищ капитан, мы люди простые, к дорогим машинам не привыкшие, – Бунин драматично положил правую руку на то место, где в его теле, если верить патологоанатому, должно было быть сердце.

– Работать надо, Вася, тогда и будет, к чему привыкать.

– А давно ли ты, Роман Дмитрич, пробовал жить на ментовскую зарплату? – он самодовольно взбирался на своего любимого коня «Я почти честный мент, мне платят мало!». – Ну вот тупо прожить: похавать там нормально, за хату заплатить?

– Не плачь, Вася, ты же офицер.

– Не плачу, Рома! Я не плачу и они не платят! – Бунин от души засмеялся.

Вася вообще давно живёт по принципу «Сам себя не расмешишь – никто не рассмешит». Самостоятельный такой комик российского МВД.

– Так, сейчас прямо, потом второй поворот направо.

– Ты пробил их хоть? Особенно вторую?

– Чистые как спирт – не привлекались, не участвовали.

– Ага, как спирт. Больничный. Если под больничкой подразумевается психиатрическая! – веселился Бунин. – А кем работают?

– Работают никем, коллеги, так сказать. А сам чего не пробил? Мало ли, чья эта дочка.

– Да у меня эта дочка молчала как партизан на допросе. А мне и пробивать особо было некогда. Проверка, сам понимаешь. Но информатор слил, что обычная, с деньгами порядок. Не олигарх, но на откуп Василию Михайловичу должно было хватить. И хватило бы, – распаялся Бунин, – Если бы не благородный Роман Дмитрич из Управления.

– Вася, заканчивай проповедь по безвременно ушедшей

взятке, приехали. Вот эта улица, вот этот дом.

– Вот эта тёлка, что я влюблён, – капитан манерно испоганил известную песню.

– «Тёлка»? Вася, не позорь мундир.

– Так я его, мундир этот, почему, думаешь, не ношу? Да чтоб не позорить!

От Бунинского гогота голова обещала начать болеть. А голова – не люди: слово своё сдержит.

– Вась, угомонись, сейчас уже должны подойти. Видишь их?

– Не, дай Бог, не придут!

Заставить Васю не ржать – равносильно как заставить его работать. Невозможно!

– Ром, да ты не переживай, я за них пиво выпью.

– За это я и переживаю.

Череп покрывался клейкой плёнкой ноющей боли. Не вовремя. Это очень не вовремя. Заставлял себя игнорировать его тупой смех и ожидание её. Взгляд ударялся о лобовое стекло и, уступая грубой прочности, рассеивался. Как снег. Этот снег, что бесконечно падал и умирал. Каждой своей попыткой. Глупо. Бесплезно. Он напоминал «парашютистов» – граждан, решивших оборвать убогое времяпрепровождение на планете Земля путём выбрасывания себя вместе со своим содержимым на улицы равнодушного города. Из каких-то окон. Чтобы наконец попасть на какое-то внимание. Как снег. Все эти люди – снег....

– А они учились вообще? Корочка есть? – Бунин вдруг проникся участницами предстоящей встречи.

– Василий, с каких пор вам небезразличен уровень чьего бы то ни было образования? Планируете, в каком русле поведи дискуссию?

– Я-то? Я, Роман Дмитриевич, планирую хорошо выпить и закусить, – он принялся втирать предвкушение крупными ладонями в колени. – Так чего там?

– Котова дизайнер, Леонова психолог.

– Психолог? – капитан сморщился, как будто его лицо с непреодолимой силой затягивало изнутри. – Психолог, блин. То-то она мне сразу не понравилась.

– Денег тебе не дала – вот и не понравилась.

– А семья, дети?

– Не замужем, без детей.

– Оно и понятно. Дураков нет. Слушай, Ром, так им сколько там, тридцать? И детей нет? И мужа? Чё-то они какие-то... бесполезные!

Бесполезные. Снежинки. Разбивались. О лобовое стекло.

МОЙ МИР. Глава 5

Лифт заставлял себя ждать, лестница отвращала запахом крашенных стен. Я с удовольствием перебирала пальцами ног в ботинке – не прилипают! Светка вдумчиво хмурила лоб – просто хмурила лоб. В общем, каждый коротал время на свой манер в ожидании заблудившегося в этажах перевозчика.

Холодный свет и зеркало наконец прибывшей кабины вынудили посмотреть на себя по-новому.

– Хоть бы они не приехали, – жалобно подала голос подруга.

– Хоть бы они приехали без ОМОНа. А то я прям не знаю, чего от тебя ждать.

Светка печально отвернулась от зеркальной поверхности и с поникшей головой вступила на этаж. Она, я думаю, сама не очень понимала, чего ей от себя ждать.

На улице февраль радостно бросал нам в лицо беспардонные снежинки. Я неустанно вздрагивала от каждой их удачной попытки проникновения мне за шиворот. Казалось, сними я куртку, и со спины рухнет лавина, перемешанная с моим негодованием почти в равных пропорциях. Статические декорации бесцветного ряда домов утомляли с первого взгляда. Со второго, надо отметить, утомление обращалось смирением.

– Ты их видишь? Должны были приехать уже, – я не то, что бы замёрзла, я скорее просто забыла, что такое тепло.

– Ну вон они, наверное.

Я повернулась в сторону Котовского «наверное»: сквозь плотную штору снега пробивались короткие позывные жёлтых фар.

– Свет, ты нормальная? И давно ты их видишь? – я схватила её под руку и двинула нас обоих в сторону «маяка».

– Ну пусть ждут, раз им надо.

– Блин, раз им надо.... А нам надо, что мы тут как две дуры стоим, ищем свет в конце туннеля?

– Не знаю, я ничего не искала, – Котова уверенным движением запаковала выпавшую прядь волос поглубже в капюшон.

Почему-то при малейшей опасности столкновения с мужским обществом я теряю самообладание и мою так называемую уверенность в себе. Светка же наоборот, как-то ментально приосанивается, наполняясь одновременно высокомерием и снисходительностью к тем, кого принято называть сильным полом. Мою недавнюю решимость уже сесть наконец-таки в машину в процессе движения плавно перехватывала подруга, и теперь уже не я её тащила к зазывно моргающему автомобилю, а она меня.

Дверь распахнулась. И вышел он. Такой красивый. Такой....

– Марселина Андреевна, а мы с Василием Михайловичем

боялись, что вы передумаете.

Он улыбается....

Светка толкнула меня в сторону задней двери. К месту за водителем. За Ним. Я послушно направилась в указанном направлении, думая о том, что в этой ситуации самое главное – не упасть.

В салоне пахло кожей. И Буниним. Который даже не удостоился развернуть к нам своё величество. Дождавшись, пока Светка усядется рядом, я захлопнула дверь.

– Учись, Вася, как надо автомобильные двери закрывать. Нежно и бережно.

Гулкий удар с другой стороны и улыбающееся Светкино лицо поставили брезгливую точку в моём начавшемся было диалоге с Внутренним Критиком на предмет того, считать ли всё вышесказанное Ромой неким романтическим посылом моей персоне.

– А ты борзая, Котова, – заржал Бунин.

– Не ты, а вы, – важно донеслось с заднего сидения.

– Да ТЫ что, серьёзно? – он живо повернулся в нашу сторону и упёрся свирепым взглядом прямо в меня.

Хрупкая Светка, сидевшая за монументальным капитаном, преспокойно снимала перчатки вне зоны действия его зрительного ресурса.

– Ладно, будем считать, подружились, – Рома нажал на педаль газа.

Тепло салона и плавный ход иномарки принуждали чув-

ствовать себя чайным пакетиком: хотелось так же расслабленно и без остатка погрузиться в предлагаемые обстоятельства.

– Подвиньтесь, капитан. Или как вас там? – Светка ударила ногой в кресло слуги закона. – Мне тесно!

– Ага, сейчас, – через гнетущую паузу отозвался Василий. Нащупав сбоку нужный рычаг, он решительным движением отодвинул сидение назад и откинул спинку. Я, инстинктивно поджав ноги, округлившись от пугающей абсурдности ситуации глазами смотрела то на невозмутимую Котову, то на короткостриженный и довольный собой затылок Бунина.

– Двинуться надо в другую сторону, – видно было, что подруга тщательно подбирает слова. – У вас в милиции все такие?

– Какие? – пробасил Бунин, теряя удовольствие от происходящего.

– Несообразительные.

– Слышь, Ром, несообразительные, – салон наполнился густым как жирная сметана хохотом Васи.

– А при чем тут Рома?

Светка переманила напыщенность Бунина к себе и сейчас единолично наслаждалась ситуацией. Сначала моё самообладание, теперь Бунинское. Если я уже смирилась с ощущением того, что меня морально ограбили, то как на этом месте преступления поведет себя оперуполномоченный Василий?

– Капитан, я вопрос задала! – Котова, улыбаясь чему-то в своей голове, ударила рукой по креслу практически нависшего над ней сотрудника. – Вперёд кресло подвинь.

– Не подвинь, а «подвиньте, пожалуйста, уважаемый капитан Бунин».

– Ага, подвинь кресло, Бунин, капитан.

Мне подумалось, что от напряжения в салоне стёкла сейчас обязательно начнут трескаться. Неспешно так: одно за другим, щедро сдабривая бисерными осколками неугомонных пассажиров. Меня разрывало от понимания необходимости что-то сказать и от незнания того, что тут вообще говорить.

– Слушай, – Вася выдохнул, наверное, считал до десяти, – Ты же маленькая. Как мышь. Тебе там ещё места до фига.

– Ну я как мышь, ты как медведь, – Бунинская аналогия явно пришлась подруге не по вкусу.

– Чё? Медведь? – он погрузился в задумчивость. – Это ты поэтому вчера в кабинете молчала? Слово из тебя вытянуть не могли. Мёртвой притворялась?

– Приехали, – безучастно констатировал Рома.

И так же безучастно покинул поле битвы, аккуратно захлопнув дверь с другой стороны.

Бунин привёл кресло в первоначальное положение, вылез сам и даже открыл Светке дверь. Я самочинно выгрузила себя из машины. Рома стоял к нам спиной, засунув руки в карманы чёрного, как его настроение, пальто.

– Ну, двинем? – Вася на удивление был бодр и весел. – Пошли, Котова, – он вскинул руку в сторону здания светящегося от неона кинотеатра, – Там места много, тесно не будет.

Молча, сохраняя ранее образовавшуюся дистанцию, мы втроём побрели за вожакom нашей стаи.

– Он недоволен! – постоянно повторял мой Внутренний Критик. – Он очень недоволен!

И это было очевидно, но я не понимала причины такой резкой перемены в поведении Романа. Что я сделала не так? И я ли что-то делала не так? Почему его эмоциональное состояние вообще зависит от меня? Может, это я уже себе что-то там навывдумывала? А у него всего-навсего свои обстоятельства. Работа там. Дела. Девушка... От этой мысли стало как-то совсем уж грустно.

– Зато свободно! – подбодрил Критик, что в принципе ему несвойственно. – Веди себя свободно, какая разница, что он подумает? Он слишком красивый, чтобы быть одиноким. Он слишком красивый. Для тебя!

Узнаю свой внутренний голос! А то я было перепугалась, что его подменили. Верно всё это, конечно. Он слишком красивый для меня. Стряхнув мокрый снег и вязкие сомнения, я поблагодарила Васю за заботливо приоткрытую дверь кинотеатра.

Светка, уперев руки в бока, внимательно изучала киноленту. Рома равнодушно присутствовал.

– Ну чё? На ужасы или на комедию? – оценив предлагаемые сеансы, спросил Бунин.

– На ужасы, – отозвалась подруга, расстёгивая куртку.

– А не испугаешься, Котова? – Вася излучал добродушие.

– Ну ты же там не снимался? – парировала Светка.

– А ты... Вы куда хотите? – капитан обратился ко мне.

– Леонова, – подсказала я. – Я бы лучше пошла на комедию, но если все за ужасы, то мне не сильно принципиально.

– Ну ладно, не в участке, – улыбнулся Бунин. – Давайте нормально знакомиться. Вася! – он театрально склонил голову в поклоне.

– Света.

– Ну тебя, Котова, я забыть не могу. А тебя... Вас как?

– Марселина. Можно на ты. Можно Маса.

– Интересное имя, никогда такого не слышал, – возвестил опер.

– Да, я тоже, – согласилась я, не отрывая взгляд от афиши, обещающий в новом сезоне качественное русское кино. – Ну так что, решили, что будем смотреть?

Василий обрёл ранее потерянное самодовольство и с ухмылкой наблюдал за каждым моим движением. Я решила уже до конца нести свою словесную инициативу в массы.

– Роман Дмитриевич, – я так внезапно вспомнила его отчество, что даже не успела удивиться сама себе, – Мы тут уже перезнакомились и дружно решили идти на ужасы.

Он обернулся в своём прежнем, парализующем меня об-

личии – красивый и с улыбкой. От него веяло ощущением постоянного, всепоглощающего контроля и слегка сладковатым ароматом духов.

– Рома! – он чуть склонил голову. – Я выбрал комедию.

Он смотрел на меня. Когда говорил и когда просто улыбался. Одними губами. Своими красивыми губами красиво улыбался. Мне кажется, когда он стоял к нам спиной, он всё равно смотрел на меня. И улыбался.

– Нууу, – протянул Бунин, – Явно же несмешно будет. Там от комедии одно название.

– Ужасы на работе посмотришь, – Рома двинулся к кассам.

– Нудный он, девчонки, – резюмировал происходящее капитан. – Пошли куртки сдадим и буфет-туалет, а то десять минут до начала.

Мы ринулись исполнять намеченное Василием. Забрав номерки у поседевшей скорее от карусели приёма-выдачи чужой одежды, чем от возраста гардеробщицы, обозначив, что мы будем есть и пить дружелюбному Васе, так стойко и мило отказывавшемуся от наших денег, что на эту тему даже не хотелось шутить, мы со Светкой направились в последний из обозначенных капитаном пункт.

В туалете, на удивление, не было привычной для всех дам очереди. Мало того, кроме старательной уборщицы, в царстве хлорки и кафеля пребывали только мы. Справившись с добычей воду из сияющего над раковиной чуда техники, я

подставила руки под тёплую струю.

– Всё идёт хорошо! – отправила я мысленный посыл своему отражению, до конца не разобравшись, уговариваю ли я себя или устанавливаю факт.

Громко хлопнув дверью кабинки, ко мне присоединилась самодовольная Светка. Видимо, с этого дня она решила любые манипуляции с дверьми проделывать с особой слышимостью для окружающих. Так сказать, артист узкого жанра ищет своего зрителя.

Я почувствовала, как тревога нежно ласкает мою шею, постепенно спускаясь всё ниже и ниже.

– Ни хрена не хорошо! – вырвалось у Внутреннего Критика. – Это всё иллюзия.

– Это я опять придумала всё сама.

Светка безмятежно топила ладони под краном, улыбаясь своему отражению в на удивление чистом зеркале. Под шум воды, изрекаемой блестящим обрубком сантехники, началась трансформация моего «ой, а что же будет?» в «собственно, какого хрена?».

Подруга тем временем, игнорируя переходный период моих переживательных конструкций, с философским спокойствием подставила руки навстречу тёплому потоку сушилки.

Меня злил её поведенческий коктейль из невозмутимости и нарочитости. Почему волнуюсь одна я, а она только и делает, что всё усугубляет? Зачем было злить Бунина – человека, пусть за адекватность которого и ручается МВД, но не

факт что подобные проверки на моральную прочность ему ещё кто-то устраивал. Точнее, нет гарантии, что тот рискованный персонаж жив и здоров. А, может, это и правильно, может, это и есть пресловутое самоуважение?

– А ты что-нибудь слышала про этот фильм? На который мы сейчас пойдём? – Котова с ясным, почти детским взглядом подтвердила моё присутствие здесь.

– Нет, – вздохнула я.

– А она действительно на мышку похожа, – выдохнул мой Внутренний Критик.

ЕГО МИР. Глава 3

– Ром, ну давай на ужасы, а? – Бунин с надеждой пробасил за плечом. – Вон и девчонки согласны.

– «Девчонки»? А ты быстро адаптируешься, Вася.

– Ну а чё? Нормальные же.

– Ну нормальным же «девчонкам» ужасов хватило вчера в твоём кабинете.

– Ну посмотри на афишу. Явно же... фигня.

Тот редкий случай, когда целиком и полностью правда на стороне капитана Бунина, но Она сказала, что выбрала бы комедию. Значит мы все пойдём на комедию.

Штурмовавшие приступы мигрени плавно вошли в фазу штиля, вернув способность анализировать. В машине казалось, что это ошибка. Я принял неверное решение. По этому дрянному поводу головная боль превратилась в оркестр невыносимых ощущений. Но это была весьма преждевременная капитуляция.

– Ну где они? Через две минуты фильм уже начнётся, – Вася смотрел по сторонам, периодически произвольно жонглируя набранными в буфете аксессуарами посетителей кинотеатра.

Пакеты с попкорном и газированные бутылки так и норовили покинуть крепкие объятия капитана Бунина.

– Я надеюсь, ты деньги с них не взял за вот это вот?

– Ты совсем? – капитан обиженно схватился за особенно резвый пакет кукурузы, – Конечно, не взял. А они предлагали. Настойчиво!

Он так похож на участника пубертата: нелепый симбиоз душевной инфантильности и возрастного налёта. Хотя почему «похож»? Он самый что ни на есть истинный представитель выросших детей. Выросших, но не повзрослевших.

С их точки зрения, каждый может стать взрослым – это вопрос времени. Однако они упускают тот факт, что далеко не каждый в силах перестать быть ребёнком – это уже вопрос самоорганизации. Интеллектуальной гигиены, если будет угодно. Целенаправленный поиск и устранение любых недостойных взрослого человека конструктов. Обида, неуверенность в себе, грусть-печаль-тоска и иже с ними. Всё, что делает тебя слабым и беспомощным. Всё, что делает тебя ребёнком в этом взрослом мире и обрюзгшем теле. Несмотря на то, что население в большинстве своём – жалкие и несчастные дети, пусть получившие паспорт и окончившие такие же не нужные, как они сами, ВУЗы, мир не перестанет быть взрослым. Как церковь не перестаёт быть святыней, вопреки миллионам грешников, пылящих псевдораскаянием на иконостасы.

Только взрослый человек может управлять этой вереницей плачущих о несправедливости жизни седеющих и дряхлеющих детей. Всё просто – ты или ведомый, или ведущий. Любая слабость – верный признак того, что ты ещё ребёнок,

а значит ешь, спи и испражняйся. И слушай взрослых. Это всё, на что ты можешь рассчитывать в этом мире.

Когда ты взрослый, можешь позволить себе только одну слабость – ненависть к сильному. Ненавидеть слабого – это пустая трата души. Ненавидеть сильного, значит, становиться сильнее самому, обретая нужные качества, чтобы в последствии уже он тебя ненавидел, как символ своего поражения.

– Девчонки, а мы уж думали, что вы сбежали, – приветливый голос Васи заставил вздрогнуть задремавшую билетёршу.

– Не надейся, – Котова выхватила ведро попкорна из мужественных рук Бунина.

– Билетики, – пришла в себя охранительница кинопространства.

Она с чувством надорвала край каждого бумажного квадратика, где бездушная машина оставила сведения о названии фильма и времени сеанса, отошла в сторону и уже в спину бросила обыденное «приятного просмотра».

Полупустой, полутёмный и полукомфортный зал. На большом экране забегали анонсы предстоящих благодарному зрителю киношных удовольствий: череда полуреальных событий с полуталантливыми людьми.

Погасший свет возвестил о начале того самого приятного просмотра с тем самым, чем смог порадовать буфет.

Традиционный европейский сценарий традиционной ев-

ропейской любви мужчины и женщины. Безмятежная жизнь до, волнующий момент встречи и счастливое существование после. Курьёзные, по видению сценаристов, ситуации, заставляли зрителей давиться попкорном от смеха, грустная музыка когда «ой, нет, не получается» и счастливый финал поцелуев в фате и смокинге. Детское кино для детского мышления.

Хотя, что могут знать дети о любви? Для них любовь – кем-то выдуманная аксиома. И это, если их родители являются истинно взрослыми. Родители-дети любить не умеют, они умеют только воспринимать эту самую любовь как пассивную данность. Воспринимать, но не генерировать. Получать, а не воспроизводить. Любовь не розовые фигурки, символизирующие человеческий орган, так подверженный инфарктам. Любовь – осознанное принятие равного.

Осознанное.

Равного.

Даже, когда это твой ребёнок. Ты должен растить его как взрослого с малых лет, чтобы он не вырос ментальным младенцем.

В любом другом случае любовь – дополнительная зона уязвимости. Очередной душевный конструкт, делающий тебя слабым и зависимым. Слабым перед ней и её бестолковыми подружками с их невероятно ценным мнением о тебе. Зависимым от её «да, я согласна» и «нет, у меня голова болит».

Если ты встретил Её, но она в своём развитии не перешаг-

нула порог взрослого, ты должен сделать её равной. На столько равной, на сколько женщина может быть равной мужчине. Если ты, взрослый, её выбрал, значит, в твоих силах сделать всё, чтобы вы были вместе. Вместе и наравне. Ты дашь ей всё необходимое. Если ты сам взрослый. Ты построишь нужные декорации и поселишь в них нужных актёров.

Если ты сам взрослый – ты можешь всё. В этом взрослом мире ты можешь абсолютно всё.

Если ты сам взрослый.

Титры. Свет. Пустые картонные ведра из-под кукурузы. Довольные зрители довольно быстро покидают ранее арендованные сидения.

Она встала.

Она улыбается.

Интересно, что она думала, глядя на это традиционное мыслиезвержение традиционно-европейских детей?

– Как вам фильм, Марселина Андреевна?

– Бывало и лучше, Роман Дмитриевич. Мне казалось, мы уже как-то переходили на ты?!

– Да имя у тебя сложное, – Вася грузно поднимался со своего кресла. – К тебе реально проще обращаться по имени отчеству. А раз по имени отчеству, то на вы.

– Маша – это так сложно для тебя? – Котова стряхивала с джинсов крошки былой маисовой роскоши.

– Ну Маша – это как-то лично совсем. Ну как зая там. Прикинь, если бы тебя назвали зая? Зая Андреевна, как вам ки-

но? – Бунин засмеялся, роняя пустые пластиковые бутылки, доставшиеся ему ото всех участников нашей компании.

– Представь, Маша, если бы тебя звали Вася – вот где трагедия.

– Это да, – капитан заглушил общий смех своим радушным гоготом.

МОЙ МИР. Глава 6

«Мася» – он даже моё дурацкое имя произносит красиво. Наверное, он в принципе всё делает красиво. Даже некрасивые вещи. Если вообще красивые люди снисходят до некрасивых вещей.

Всю оставшуюся дорогу я выслушивала от Внутреннего Критика обвинения в собственной интеллектуальной бесхребетности. Ну тут с ним и не поспоришь, как впрочем и всегда.

Вот зачем я сказала Роме, что фильм мне не понравился? Мне ведь фильм очень понравился, но я решила, что, если я скажу, что фильм мне понравился, то я не понравлюсь Роме.

И всё в моей жизни так же пресно и предсказуемо как это предложение....

Почему этот малознакомый, пусть и красивый, человек заставляет меня отречься от своего мнения? В угоду чему? Нагло предположим, я ему и правда нравлюсь, вот чуть-чуть, не просто же так он всех повёл на комедию?! Без сомнений, в той выборной гонке его предпочтения были на стороне фильма ужасов. Но я одна сказала, что хочу на комедию. И он поддержал меня. Неужели мой комментарий о фильме способен повлиять на его отношение ко мне? Полтора часа видео разделили бы нас на до и после?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.